

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

УДК 82.09

А.Н. Безруков

ИНВЕНЦИЯ АПОКАЛИПТИКИ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

Аннотация. Современный литературный процесс является достаточно интересным и многообразным явлением, следовательно, требует внимательной оценки и анализа. В предлагаемой работе осуществлена рецепция малой прозы Дмитрия Глуховского, которого можно считать знаковой фигурой начала XXI века. Проза Глуховского получает в большинстве источников разные оценки и варианты прочтений. Актуальность проявляющихся факторов апокалиптики в текстах указанного автора, на наш взгляд, свидетельствует о внимательном восприятии реалий настоящего. Художественный взгляд Дмитрий Глуховского неоднозначен, противоречив, не созвучен ряду знаковых фигур постреализма и постмодернизма. Иначе фактурность действительного проявляется в прозе Венедикта Ерофеева, Саши Соколова, Виктора Пелевина, Татьяны Толстой, Владимира Сорокина, Михаила Шишкина. Прозу Дмитрия Глуховского следует интерпретировать как попытку имманентной редупликации событий последних лет. Центром притяжения становится и сюжет, и художественная коллизия, и нетривиальный язык, и достоверный образный ряд, и авторский код понимания социальных проблем. Наиболее точно это претворяется в «Рассказах о Родине», которые отчасти есть диалог с литературной классикой. Вариантом индивидуального поиска у Дмитрия Глуховского становится и система деструкции норм, правил, образцов, ограничений. Родина у автора нуждается в трансформации и компенсаторной концепции. В статье обозначено, что в малой прозе Дмитрия Глуховского осуществлена попытка манифестации серьезного, крайне важного вопроса социальной иерархии, а также общей проблемы оценки событий будущего. Сделан вывод, что в «Рассказах о Родине» слышна и осязатима не только полифония буквальных голосов, но и перспектива выхода реципиента к гармонии смыслов.

Ключевые слова: современная русская проза; апокалиптика; Дмитрий Глуховский; рецепция; читатель; автор; диалог культур; эстетическая игра; социальный срез; смысловое множество.

Сведения об авторе: Безруков Андрей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Башкирского государственного университета (Бирский филиал).

Контактная информация: 452450, Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, д. 10; тел.: 8(34784)40470; e-mail: in_text@mail.ru.

A.N. Bezrukov

THE INVENTION OF APOCALYPTIC DMITRY GLUKHOVSKY

Abstract. The modern literary process is quite an interesting and diverse phenomenon, therefore, it requires careful evaluation and analysis. In the present work, the reception of a small prose by Dmitry Glukhovsky, which can be considered an iconic figure of the beginning of the XXI century, is carried out. In a critical mass of sources, Glukhovsky's prose receives different assessments and reading options. The relevance of the manifesting factors of the apocalyptic in the texts of the specified author, in our opinion, indicates a careful perception of the realities of the present. The artistic view of Dmitry Glukhovsky is ambiguous, contradictory, and not in tune with a number of iconic figures of post-realism and post-modernism. Otherwise, the texture of the actual is manifested in the prose of Venedikt Yerofeyev, Sasha Sokolov, Victor Pelevin, Tatyana Tolstaya, Vladimir Sorokin, Mikhail Shishkin. The prose of Dmitry Glukhovsky should be interpreted as an attempt to immanently reduce the events of the extreme years. The center of attraction the plot, the artistic conflict, the non-trivial language, the authentic imagery, and the author's code for understanding social problems. This is most precisely realized in "Tales of the Motherland", which in part is a dialogical version with literary classics. A variant of an individual search for Dmitry Glukhovsky also becomes a system of destruction of norms, rules, samples, restrictions. The author's Motherland needs transformation and a compensatory concept. The article indicates that in a small prose by Dmitry Glukhovsky an attempt was made to manifest a serious, extremely important issue of social hierarchy, as well as the general problem

of assessing future events. It is concluded that in “The Tales of the Motherland”, polyphony is heard and felt not only in literal voices, but also in the prospect of the recipient reaching a harmony of meanings.

Key words: modern Russian prose; apocalyptic; Dmitry Glukhovsky; reception; reader; author; dialogue of cultures; aesthetic game; social section; semantic rhizome.

About the author: Bezrukov Andrei Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology of Bashkir State University (Branch in Birk).

Русская проза XXI века все меньше стремится к стандартизации и кристаллизации типического. Для нее важным и существенным являются: выбор, эксперимент, эпатаж, стратегия, претворение нереального. На наш взгляд, тексты таких авторов как Виктор Пелевин (Пелевин 2017; Пелевин 2019), Владимир Сорокин (Сорокин 2008; Сорокин 2015), Татьяна Толстая (Толстая 2001), Захар Прилепин (Прилепин 2014), Михаил Елизаров (Елизаров 2012), Михаил Шишкин (Шишкин 2016) Дмитрий Глуховский, безусловно, неоднородны и неодинаковы по своей природе и органике, но их стоит воспринимать и комментировать как «взрыв», «бомбу», «гуманистический натиск», «эпатаж», «протест», «эстетический crash», «деструктивный литературный манифест». Это явственно заметно на основании оценки и пелевинских «Тайных видов на гору Фудзи» (2019), и сорокинской «Метели» (2010), а до этого «Нормы» (1979–1983) и «Голубого сала» (1999), и прилепинских «Патологий» (2004), «Греха» (2007), «Черной обезьяны» (2011), и толстовской «Кыси» (2000) и, конечно же, вариаций на «злободневно-актуальные» темы современности Дмитрия Глуховского. Указанным и может быть объяснена актуальность дешифровки/рецепции (Безруков 2015) подобных моделей реализации и манифестации нового эстетического кода, кода, рождающегося в конгломерате слитности творческой активности авторов и не отступающей кристаллизованной классики. Литературный контекст позволяет указанным авторам максимально объемно расширять тематический спектр, создавать так называемый эффект контрапункта. В данных условиях предусмотрен выбор, или движение к открытости (Скоропанова 2007). Понимание свободы творчества есть некое допущение трансформации смыслов и для реципиента. Думается, что целевая установка ряда смежных исследований должна касаться инвенциональной дешифровки поэтики новой прозы, прозы крайних манифестаций, претворения провокационного и, безусловно, избирательного.

Проза Дмитрия Глуховского на протяжении долгого времени притягивает внимание читателей, переводчиков, а также потенциальных исследователей (Абашев, Абашева 2018). Широко известны его романские формы – «Метро 2033» (2005), «Сумерки» (2007), «Метро 2034» (2009), «Будущее» (2013), «Метро 2035» (2015), «Текст» (2017). Менее изучены в рецептивном режиме, но потенциально богаты жанры малых литературных конструктов Глуховского, в частности «Рассказы о Родине» (2010). Варианты художественных миров, формируемых писателем, на первый взгляд, очень близки реальности происходящего. Правда, при включении в наличные тексты элементов апокалиптики, высвечивании оттенков научной фантастики, мистики, пределов ирреального меняется традиционно-канонический индивидуально-авторский дискурс (Безруков 2018а). Для Дмитрия Глуховского в малоформатной прозе интересен путь подведения реципиента к сфере глубинно-потенциальных смыслов, или же некая социальная адаптация эстетически сказанного.

Рецепция малых форм Дмитрия Глуховского не может быть однозначно сведена к установлению в них четко выраженных смысловых пределов. Порой нарочитая эстетика, поэтический абрис, собственно-литературная наррация, информационно-контекстуальное поле, соединяясь друг с другом, ретранслируют абсолютно новую линию писательских коннотаций. Следовательно, набор используемых автором приемов синкретически сближает точное и буквальное, вымышленное и ирреальное, временное и типичное, настоящее и предугадываемое, социальное и естественное, искусственное и техногенное. При этом художник берет на себя смелость и ответственность построить новую модель оценки происходящего/видимого, совершаемого здесь и сейчас. Таким образом, Дмитрий Глуховский продляет и

поддерживает устойчивый диалог с рядом классических, близких тенденциям реализма и постреализма (Лейдерман 2005) векторов поступательного движения русской литературы. Можно вспомнить, что период конца XIX – начала XX века также был отмечен активным появлением малых жанровых форм. Это были и рассказы, и очерки, и новеллы, и записки. Актуальность временных проблем действеннее продемонстрировать в более удобном для чтения жанре, ибо он воспринимается информационным проспектом, в котором авторская точка зрения дается лишь намеком, художественной аллюзией.

«Рассказы о Родине» Дмитрия Глуховского – сборник, который представляет собой смелую книгу о новой России, о России перемен, девальвации ценностей, а также стагнации желаний, книгу о другой Родине. Писатель создает игровую ситуацию оценки реалий настоящего, ибо современный мир потерял некий единый центр, единое понимание движения бытия. У Глуховского для реализации идейного толка видоизменений российской действительности срабатывает ступенчатость формы – сборник состоит из 16 рассказов («From Hell», «Перед штилем», «Благое дело», «Utopia», «На дне», «До и После» и т. д.) – и ризомы сюжетики (тематикой сборника становится практически все, что значимо для человека). Позиция автора по отношению к той или иной социальной проблеме либерально-нетерпимая. Описываемая в «Рассказах о Родине» меняющаяся Россия 2000-х есть переходный этап к еще более сложному и противоречивому состоянию. Стоит отметить, что и европейский мир видоизменяет реалии после преодоления рубежа веков, даже отмечается этический крах исторических традиций. Зарубежные писатели – Джонатан Франзен, Джордж Сондерс, Иэн Макьюэн, Пер Петтерсон, Кадзуо Исигуро, Пол Остер, Салман Рушди, Мишель Уэльбек и другие – обращаются к схожим вопросам настоящего, что, несомненно, объединяет прозу Дмитрия Глуховского с мировой литературой.

Циклизация «Рассказов о Родине» (Глуховский 2015) регулируется образным рядом – герои переходят из одного текста в другой авторским желанием определиться с крайней точкой зрения на события сиюминутного/вековечного, смежностью апокалиптических мотивов и лейтмотивов ретардации краха. Не стоит забывать, что «Апокалипсис – конечная точка в мифе о космосе» (Ломакина 2016: 52). Думается, что книга Д. Глуховского ситуативно трансформирует реальность как таковую. Это и образ идеальной страны (рассказы «Главные новости», «Одна на всех»), и цифровая версия настоящего («Протез», «На дне»), и претворение утопической правды жизни («Благое дело», «Каждому свое», «Иногда они возвращаются»), и декодирование, разоблачение патриотической фальши («Utopia»), и сила власти в условиях полного социального вакуума («From Hell», «Чё почём»), и предчувствие масштабной катастрофы («Deux ex Machina», «Не от мира сего»), и проблема эсхатологии как таковой («До и После»).

Большая часть рассказов из данного цикла имеет приметы апокалиптической эстетики. Дмитрий Глуховский склонен к обработке указанной формы литературного повествования. Стоит вспомнить, что романы Глуховского развивают сюжет, в котором мир восстанавливается после страшной катастрофы либо стоит на грани этого серьезного и страшного события. Эстетика апокалиптики «Рассказов о Родине» проявляется в том, что на уровне наррации автор вкрапливает в стадиальную разверстку основных событий элементы, немотивированные буквальной реалистичностью. Сбив становится приметой всей циклической структуры. Внешне естественный ход повествовательных эпизодов перемежается с отзвуками ирреальности. Примером этому служат тексты «From Hell», «Протез», «Главные новости», «На дне», «Deux ex Machina».

Схождение в одной параллели разных литературно-художественных кодов (Нефагина 2003) определяет и путь интерпретации завершенного прозаического конструкта. В рассказе «Протез» авторская наррация близка публицистическим канонам: «Я прекрасно понимаю, что “силикон” на русский язык переводится как “кремний”. За примерами далеко ходить не надо, возьмем прямо из отрасли: знаменитая Силиконовая долина на самом деле называется

Кремниевой долиной. Что логично: именно из кремния делают микросхемы, на которых зиждется весь американский хай-тек, от CISCO до Microsoft. И все же я настаиваю: в русском уже есть устойчивый термин, пусть и заимствованный» (Глуховский 2015: 65). Манипуляцией с массовым созданием/формой автор достигает расположения к себе как фигуре, утверждающей новые правила организации жизни.

Дмитрий Глуховский конденсирует вариативность поэтических блоков. Суггестия смысла в этом случае будет зависеть от литературной классики, чье влияние на тексты последующих эпох неизменно: «До глубокой ночи Богов метался по своему лофту, обдумывал план спасения. Приникал к ноутбуку, заносил на хард-диск робкие, тщедушные идеи и тут же стирал, хлестал себя по щекам и умывался ледяной водой...» (Глуховский 2015: 107). Воздействие же на читателя происходит не в режиме обобщения художественно-эстетической системы, но в разверстке уточнения информативного и актуального: «Нужен ребрендинг, твердил он себе. Нужно наделить программу новой энергетикой. Им недостаточно конфликта? ... Не хватает зрелищности? ... игры кончились, теперь все всерьез! Больше никаких дуэлей, никакой куртуазности... Да!» (Глуховский 2015: 107–108). Отчасти подобное проявлялось в зарождающемся реализме начала XIX века, в традициях натуральной школы, далее в рамках критического реализма. Если конкретизировать потенциал художественных наблюдений Дмитрия Глуховского, они перекликаются с очерковыми записями Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова и ряда других классиков русской литературы.

Природа культурного диалога для Дмитрия Глуховского не в буквальности копирования, воспроизведения нарочитой реминисценции, а в возможности оценки беспринципного повторения в жизни социума уже когда-то имеющей место быть ситуации смещения этических ориентиров (Безруков 2016). Трагический пафос малых форм писателя заключен и в претворении мотива фатальности бытия, обреченности человека на злоключения: «Прямо над его головой... громадная, как весь Черкизовский рынок, выдранный из земли с корнями... в пыльном московском небе зависла, переливаясь ярчайшими огнями, летающая тарелка! ... Корабль все снижался, будто намереваясь приземлиться точно на Сашину голову и на Третье кольцо вообще, уничтожив в мгновение ока плоды многолетних трудов...» (Глуховский 2015: 187). Вероятно, этим может быть объяснено желание автора периодически в сюжете своих текстов (романы «Метро...») фактор пандемии доводить до литературного абсолюта. Не только власть и сила, не только деньги и бюрократия, не только золотовалютный резерв и нефть/полезные ископаемые, не только трансцендентные условия портят ценз поступков – манипулятором реальности становится сам человек с пороками и страстями, требованиями и бесчисленными желаниями.

Время в «Рассказах о Родине» не имеет признаков застывшей стихии, оно развивается в читательском сознании. Проникая в сюжет того или иного текста, попадаешь в топос живой активности. Герои, персонажи не выпадают как из художественного формата, так и реально-го, действительного: «Есть и такая опасность. В панике на глубине случается, что люди даже путают верх и низ, не говоря уже об остальных направлениях. Если что-то произойдет – запомните: главное – ни в коем случае не всплывать вверх слишком быстро... Короче говоря – от слишком быстрого подъема может просто разорвать мозг» (Глуховский 2015: 213). Например, события рассказа «Иногда они возвращаются» напоминают элементарный процесс дыхания, о котором практически никогда не задумывается человек. Хотя при возникновении мысли о прекращении этого естественного «хода» начинают нарастать волнение, тревога и страх.

Помимо элементов фантастического, нереального, апокалиптического Дмитрий Глуховский допускает в рассказах и факторы утопического – это идеи, соображения, перспективы развития родной страны, а также, как следствие, «гибель бездуховной... цивилизации» (Култышева 2017: 56). Государственный механизм в «Рассказах о Родине» механистически

выверен, но неправильность работы этой *Machine* предчувствуется. Ее изношенность, ее потрепанность, ее негибкость допускают ребрендинг, изменение статуса, формы, навигации действий. Рассказ «Одна на всех» является, пожалуй, главным в сетке цикла, так как в нем манифестирована основная цель книги: «И вот, собственно, ваша задача. Придумайте что-нибудь. Нужно воскресить и модернизировать патриотизм. Придать Родине *sex appeal*... Я хочу, чтобы слово “Родина” стимулировало нервные центры не только в мозгу православного хоругвеносца и не только в мозгу казацкого атамана. Я хочу, чтобы Родина была трендовой» (Глуховский 2015: 250). Рассказ изобилует разно-языковыми формами установления контакта с читателем: вопросно-ответный ход фраз, умолчание, нарочитое восклицание, цитация, аллюзийный фон, потенциал намеков. Но тезис, что «Все новое – это хорошо забытое старое...» прекращает популизм идеи, возвращает в реальность, конкретизирует неотвратимость судьбы.

Герои Дмитрия Глуховского вовсе не марионетки действительности, они способны рассудительно опасаться неправильного исхода. Завершает книгу «Рассказов о Родине» текст «До и После». В нем интерпретирован автором новостной формат, текущий из телевизора. Мир информации для жителей глухой сибирской деревни – «сплошные расстройства», они объективно уверены, что при передаче новостей «всегда соврут». Политика, экономика, искусство, вообще мир – все это было «известным» и интересным для сельчан. Главная новость, долетевшая до глубинки – «Война!» – вначале вводит в исступление, заставляет задуматься, «как же будем», но потом привычно и рационально Нина Прокофьевна вдруг объявляет: «Да так же и будем, как жили... Что изменилось-то?» (Глуховский 2015: 377). Спокойствие человека, как и было всегда в русской прозаической литературе, нарочито повторяется. Имманентно близок Дмитрий Глуховский к текстам Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, А.И. Солженицына, В.Г. Распутина, В.М. Шукшина. Некая вера в лучшее неизменно редуцируется (Безруков 2018б) даже в условиях предчувствия конкретики апокалиптического.

Как уже было отмечено, диалог Д. Глуховского с предшествующей литературой происходит не столько на уровне формы, хотя и это немаловажно, но и на спектральном сопоставлении реалий, уже произошедших и только еще намечающихся. Этому способствуют мотивы рисуемой апокалиптической драмы начала XXI века. Обыгрыванием стандартов и клише – сюжет, тема, мотив/лейтмотив (Кваскова, Култышева 2018), проблемный ряд, художественная коллизия – Дмитрий Глуховский ориентирован на максимальную объективацию действительности, показ низа жизни, демонстрацию некоей нонселекции бытия, на вскрытие основных онтологических противоречий. Для Глуховского принципы серьезной сатиры, трагического юмора, анекдотической ситуации значимее, нежели ироническая оценка, шаржирование, буквальная игра образами. Тем и отличен стиль данного автора от резонансных постмодернистских (Бердникова, Гуцина 2017: 45–49), игровых творений, веяний, рамок.

Таким образом, «Рассказы о Родине» Дмитрия Глуховского – долгожданный эксперимент в новой амплитуде постреализма, ожидаемая художественно-эстетическая реакция на мир. Мир, в который погружен современный реципиент. Данный цикл есть небуквальное подражание классике. В нем осуществлена манифестация серьезного, намечено обострение магистрального вопроса, вопроса природы оценки событий будущего. Неслучайны ввиду этого мысли одного из героев «Рассказов о Родине»: «И оглядывая в конце каждой своей смены утыканное свежими плахами поле, Семен ощущал что-то... Пусть и не счастье, но уверенность – в себе, в своем будущем, в своем прошлом» (Глуховский 2015: 167). Поэтика книги сводится к смысловой инвенции, повороту от фантастически-нереального (рассказ «From Hell») к объективно-метафизическому (рассказ «До и После»). Ракурс рассмотрения проблем современного мира, выбранный Глуховским, достигает пределов полифонии, многоголосия. Одновременно с этим писатель ориентирует на свободу выбора пути, взвешенное и правильное понимание человеком сути стадийальной разверстки жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашев В.В., Абашева М.П. Литература в эпоху медиаконвергенции // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 2. С. 103–112.
- Безруков А.Н. Рецепция художественного текста: функциональный подход. Вроцлав: Фонд «Русско-польский институт», 2015.
- Безруков А.Н. Детерминация смысла «Благой вести» Вен. Ерофеева с позиций теории рецепции // Polilog: Studia Neofilologiczne. 2016. № 6. С. 69–78.
- Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. СПб.: Гиперион. 2018а.
- Безруков А.Н. Диалог художественных сознаний как верификация эстетических координат (Иван Бунин – Милан Кундера – Карлос Кастанеда – Виктор Пелевин) // Филология и человек. 2018б. № 3. С. 77–88.
- Бердникова И.В., Гущина Т.А. Идеино-философский контекст в постмодернистском романе Джулиана Барнса «Предчувствие конца» (2011) // Нижневартровский филологический вестник. 2017. № 1. С. 45–49.
- Глуховский Д.А. Рассказы о Родине. М.: Изд-во АСТ, 2015.
- Елизаров М. Библиотекарь: Роман. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012.
- Кваскова А.А., Култышева О.М. Понятия «мотив» и «лейтмотив» в современном литературоведении // Нижневартровский филологический вестник. 2018. № 2. С. 86–90.
- Култышева О.М. Урбанизм и проблема цивилизации в творчестве В. Маяковского // Нижневартровский филологический вестник. 2017. № 2. С. 47–57.
- Лейдерман Н.Л. Постреализм: теоретический очерк. Екатеринбург: УрГПУ : Словесник, 2005.
- Ломакина Е.В. Мифопоэтика романа Т. Толстой «Кысь» // Нижневартровский филологический вестник. 2016. № 1. С. 51–58.
- Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века. Москва: Флинта: Наука, 2003.
- Пелевин В.О. Т. М.: Изд-во «Э», 2017.
- Пелевин В.О. Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо, 2019.
- Прилепин З. Дорога в декабре: Паталогии. Грех. Ботинки, полные горячей водкой. Санька. Черная обезьяна. Лес. М.: Редакция Елены Шубиной, АСТ, 2014.
- Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. Москва: Флинта: Наука, 2007.
- Сорокин В.Г. Метель. М.: Изд-во АСТ, 2015.
- Сорокин В.Г. Норма. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008.
- Толстая Т.Н. Кысь: Роман. М.: Подкова, 2001.
- Шишкин М.П. Письмовник. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016.